

Концепция народной войны в романе М. Н. Загоскина «Рославлев» (1831)

Идея о том, что война 1812 г. была войной *народной*, складывалась постепенно; роман Л. Н. Толстого «Война и мир» помог окончательно «закрепить» эту точку зрения. Однако история формирования и толкования этой идеологемы до сих пор недостаточно прояснена. Сложность заключается в том, что в первой половине XIX в. понятие «народ» могло использоваться в двух значениях — «простой народ» и «нация» (все россияне, nation) [см.: Миллер 2016]. Соответственно, и словосочетание «народная война» могло означать как войну, в которой отстаивается национальная независимость, так и войну, в которой участвуют крестьянские массы. В. С. Парсамов, говоря о конструировании идеи народной войны, подчеркивает двоякий взгляд на идеологему. Участие народа в борьбе с врагом приветствовалось, однако вызывало боязнь: в правительстве и высших кругах общества были склонны не доверять простому народу [см.: Парсамов 2012: 69—71]. Характерный пример, который хорошо известен, — поведение московского генерал-губернатора Ростопчина. С одной стороны, он своими афишками подогревал народную ненависть к французам. С другой стороны, он ничего не сделал для того, чтобы накануне вторжения Наполеона раздать москвичам оружие (хотя такая возможность была). В качестве оружия предлагалось использовать вилы, топоры и рогатины. На предложение С. Н. Глинки вооружить крестьян Ростопчин отвечал: «Мы еще не знаем, как повернется русский народ» [Глинка 2004: 299]. Исследователь истории наполеоновских войн Е. В. Тарле неоднократно подчеркивал опасения правительства относительно того, что Наполеон издаст декрет об освобождении крестьян и тем самым спровоцирует крестьянскую войну [см.: Тарле 1957: 440—441, 494, 496, 528, 601, 619—620]. В манифестах государственного секретаря А. С. Шишкова народ, как самая незначительная военная сила, упоминается на последнем месте.

Когда впервые было употреблено словосочетание «народная война», пока не выяснено. Национальный корпус русского

тракуется ими как метод просвещения, а сопротивление насилию — как дикость. Так, московские горожанки названы «дикарками», потому что бросились в реку «оттого, что двое гвардейских солдат предложили им погулять и повеселиться вместе с ними» [Загоскин 1987: 489]. По Загоскину, французы считают варварством патриотический подъем и проявления национального самосознания, естественно возникающие во время народной (национальной) войны. Однако некоторые французы в романе, хотя и относятся к русским с предубеждением, все же способны оценить русские великодушие и патриотизм, пусть и через отсылку к собственной нации. «Он француз в душе», — восклицает французский пленный о казаке, вернувшем ему портрет его жены [Загоскин 1987: 529]; французский полковник говорит: «Это самоотвержение, эта беспредельная любовь <русских> к отечеству — понятны душе моей: я француз» [Загоскин 1987: 482]. Л. Толстой использует мотив «настоящего француза в душе», усложняя его, в романе «Война и мир». Капитан Рамбаль, спасенный Пьером в Москве, не верит, что Пьер русский, и дважды повторяет: «Vous m'avez sauvé la vie! Vous êtes Français» («Вы спасли мне жизнь! Вы француз») [Толстой 1940: 365]. Тут же Л. Толстой делает такое замечание о французском национальном характере: «Для француза вывод этот был несомненен. Совершить великое дело мог только француз» [Толстой 1940: 365], — что вполне согласуется и с загоскинской концепцией.

Загоскин резко выступает против стереотипа, согласно которому Россия, как и Испания, — варварская страна, потому что ведет «скифскую» партизанскую войну (один из французов в «Рославлеве», рассказывая об Испании, говорит даже не о войне, а о бунте [Загоскин 1987: 484]), а Франция несет завоеванным народам Просвещение и прогресс. Напротив, «варварством» и «средневековым обычаем» называет Загоскин осквернение французами русских церквей, французское просвещение считает опасным для культурной независимости России. Народная война, которая должна объединить все сословия, является, по Загоскину, путем выхода России из культурного и духовного кризиса.

Говоря о народной войне, герои апеллируют к опыту партизанских действий против войск Наполеона в Испании, причем оказывается, что такая война меняет представления о моральных нормах; в частности, это касается убийства военнопленных. Рославлева и Зарецкого ужасает и отталкивает такая жестокость. Другим же персонажам расправа над пленными не кажется чем-то ужасным. Таковы извозчик Егор и артиллерийский офицер, который полагает, что такая «несентиментальная» война — единственный шанс уравнивать русские военные силы с французскими. Он же радуется возможности разжечь жестокость простого народа, чтобы поднять его на борьбу с французами. Так, пожар Москвы не вызывает у него ни малейшего сожаления — лишь радость: «Посмотрите, как народ примется их душить! Они, дискать, злодеи, сожгли матушку-Москву! А правда ли это или нет, какое нам до этого дело? Лишь только бы их резали» [Загоскин 1987: 470]. Патриотически настроенные персонажи (Сурский, Рославлев, семинарист) говорят об общем национальном подъеме, народном чувстве, едином для всех сословий. В решающий момент ни один русский не может остаться в стороне и встает, как говорит Рославлев, на защиту «своего государя, отечества, своей семьи» [Загоскин 1987: 304].

Простой народ, одно из главных движущих сил народной войны, в романе Загоскина бывает жестоким оттого, что в своей массе он по-детски доверчив. Ямщики готовы поверить словам шпиона о том, что, если Наполеон завоюет Россию, у них наступит привольное житье; крестьянский отряд едва не расправляется с Рославлевым, приняв его за француза. Однако в обоих случаях разошедшуюся толпу успокаивает опытный и авторитетный человек из их же среды. В первом случае старый ямщик напоминает, что Наполеон предан анафеме, а у русских есть свой, православный, царь; во втором — Рославлева узнает старик-ветеран, воевавший с его отцом. Для Загоскина народ — ребенок, который нуждается в руководстве. В крестьянском отряде офицера Рославлева просят возглавить его. Ямщики признают, что без дворянского руководства обходиться не могут и что это естественное положение вещей:

«Да разве без старших жить можно? Мы покорны судьям да господам; они — губернатору, губернатор — царю, так испокон веку ведется» [Загоскин 1987: 333]. Можно согласиться с утверждением А. М. Пескова, что «идея послушания старшим — главное в концепции народа у Загоскина» [Песков 1987: 23]. В «Юрии Милославском» эта идея выражалась во всеобщем убеждении в том, что «Святая Русь» не может существовать без государя. В «Рославлеве» верность государю становится основой патриотического подъема. Александр I представлен в романе не столько как «отец нации», сколько как национальный герой. Он «силен любовью подданных, тверд в вере своих державных предков» [Загоскин 1987: 288—289], он «один мог возбудить ото сна дремлющую Россию» [Загоскин 1987: 387—388]. В романе цитируется императорский манифест о созыве народного ополчения, написанный А. С. Шишковым. По Загоскину, именно действия императора становятся толчком к началу народной войны:

Он возвал к верному своему народу. «Да встретит враг — вещал Александр, — в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном — Палицына, в каждом гражданине — Минина...» — и все русские устремились к оружию. «Война!» — воскликнул весь народ, и потомки бесстрашных славян, как на брачное веселье, потекли на сей кровавый пир всей Европы. [Загоскин 1987: 388]

В концепции Загоскина народная война 1812 г. по силе народного энтузиазма сродни второму народному ополчению 1612 г. Однако существенное различие между ними заключается в том, что в XIX в. на престоле государь, который представляет дух нации и является вдохновителем народной войны:

Двести лет назад отечество наше, раздираемое междоусобием, безмолвно преклоняло сиротствующую главу под ярем иноплеменных; а теперь бесчисленные голоса отозвались на мощный голос помазанника божия; все желания, все помышления слились с его волею. [Загоскин 1987: 388]

Идея народной войны, в которой принимают участие широкие массы населения, независимо от профессии и сословия, затрагивает и вопрос о национальном характере воюющих. В этом

позиция Загоскина принципиальна. Русский характер неизменен на протяжении истории, что отражено в названиях исторических романов этого автора («Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», «Рославлев, или Русские в 1812 году», «Русские в начале осмнадцатого столетия. Рассказ из времен единодержавия Петра I» и др.) В «Юрии Милославском» персонажем, максимально выражающим народный характер, был казак Кирша. В «Рославлеве» носителем национального характера прямо назван купец Андрей Васьянович:

<...> наружность <...> принадлежала к числу тех, которые соединяют в себе все отдельные черты национального характера. Радушие, природный ум, досужество, сметливость и русской толк отпечатаны были на его выразительном и открытом лице. [Загоскин 1987: 386]

Однако нельзя сказать, что в романе Загоскина национальным характером обладают только «простые» герои: он свойствен и «благородным» персонажам, большинству героев-дворян. В то же время этот дух чужд и галломанкам из дворян, и купцу-предателю, переводчику французских листовок, прототипом которого был М. Н. Верещагин.

Образ врага в романе Загоскина далек от однозначной трактовки. Та же ситуация — с отношением к французам. С одной стороны, национальный подъем как будто диктует *всем* русским ненависть ко *всем* французам, с другой — отдельные случаи противоречат общему правилу. Зарецкий смело сражается с неприятелем, но считает, что в Париже веселее, чем в Петербурге. Француз граф Сеникур, который тайно женился на невесте Рославлева, оказывается человеком чести и спасает Зарецкого и Рославлева в занятой французами Москве. Как отмечалось выше, некоторые французы способны оценить великодушие и патриотизм русских. Для Загоскина общее в национальных характерах русских и европейцев оказывается едва ли не важнее различий. Положительные персонажи по обе стороны фронта обладают примерно одинаковыми качествами, что снимает жесткую оппозицию «варваров» русских «просвещенным» французам.

СОКРАЩЕНИЯ

Глинка 2004 — *Глинка С. Н.* Записки. М., 2004.

Давыдов 1877 — *Давыдов Д. В.* Партизан Фигнер. Письмо Михаилу Николаевичу Загоскину // Русская старина. 1877. Т. 20. С. 696—699.

Загоскин 1987 — *Загоскин М. Н.* Рославлев или Русские в 1812 году // Загоскин М. Н. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Историческая проза. М., 1987. С. 287—618.

Миллер 2016 — *Миллер А. И.* Нация. СПб., 2016.

Парсамов 2012 — *Парсамов В С.* Опыт конструирования идеи народной войны 1812 // Новое литературное обозрение. М., 2016. № 118. С. 69—94.

Песков 1987 — *Песков А. М.* Михаил Николаевич Загоскин // Загоскин М. Н. Сочинения: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 3—32.

Пушкин 1826 — *Пушкин А. С.* Взгляд на военное состояние Турецкой империи // Сын отечества, 1826. Часть 107. № 9. С. 74—90. № 10. С. 173—191. № 11. С. 264—274.

Тарле 1957 — *Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию // Тарле Е. В. Сочинения: В 12 т. М., 1957. Т. 7.

Толстой 1940 — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 11. М., 1940.